

УДК 81'282.2

*О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина***КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЗООНИМОВ В КУБАНСКИХ ГОВОРАХ:
СИНХРОНИЧЕСКИЕ И ДИАХРОНИЧЕСКИЕ МОТИВЕМЫ**

В статье, выполненной в русле когнитивной диалектологии, представлены результаты исследования мотивационных моделей наименований животных в кубанских говорах. Установлены синхронические и диахронические мотивационные признаки диалектных зоонимов, имеющие ориентирующий характер и в целом аналогичные отмечаемым в русских говорах и общеславянском контексте. Выявлены различные по степени продуктивности мотивемы, к которым относятся возраст, окрас животного, издаваемые им звуки, место обитания, особенности поведения, способ добывания пищи, действия, производимые над животным человеком и др. Рассмотрены персонифицированные народные наименования животных и зоонимы-эвфемизмы. Продемонстрировано, что народная этимология может проецироваться не только на синхроническую плоскость, но и на диахроническую, в чем проявляется метаязыковое сознание обладающих фоновыми знаниями лингвокреативных диалектоносителей. Показана этнокультурная специфика, отражающая своеобразие мировидения носителей кубанских говоров, проявляющаяся в особенностях реализации мотивем в народных наименованиях животных.

Ключевые слова: когнитивная диалектология, кубанские говоры, синхроническая и диахроническая мотивированность, зоонимы.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-5-897-905

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с выявлением когнитивных оснований наименований животных, функционирующих в кубанских говорах (далее – КГ). Материалом для наблюдений послужили региональные лексикографические источники, отражающие лексику КГ на синхронном этапе их бытования [1; 6; 8; 12], рукописный словарь коренного жителя станицы Старощербиновской Ю.А. Сквороды (46 зоонимов) [13], а также данные полевых экспедиций 2005–2019 гг.

Как известно, в любом наименовании, в том числе животных, аккумулируется эмпирический опыт народа. В процессе номинации происходит вербализация его представлений об окружающих предметах и явлениях, в чем проявляется когнитивная деятельность человека. Диалектная картина мира (далее – ДКМ), будучи своеобразной материальной формой, кодирует внешний и внутренний мир сельского жителя с помощью языковых знаков. Что касается анималистической лексики, то она репрезентирует стоящее за ней когнитивное содержание через выделение какой-либо особенности животного и имеет ассоциативную природу.

Положенная в основу наименования общая идея, или мотивема, как инвариант внутренней формы конкретных слов является мощным стимулом языковой номинации, регулятором порождения языкового значения. Среди зоонимов, функционирующих в КГ, значительный корпус составляют слова, внутренняя форма которых мотивирована значением однокорневых общенародных или диалектных лексем, хорошо известных членам диалектного сообщества. Такие лексические единицы (далее – ЛЕ) обладают синхронной мотивированностью, т. е. обнаруживают «живые» семантические связи с функционирующими в диасистеме словами. Между тем мотивация слова может проецироваться не только на синхроническую плоскость, но и на диахроническую, будучи также связанной с когнитивным аспектом номинативной деятельности человека.

Рассмотрим синхронно мотивированные народные наименования животных, функционирующие в КГ. Выделение признаков, лежащих в основе диалектных номинаций, позволяет установить универсальность основных номинативных моделей. Один из таких признаков – возраст животных, актуализация которого находит отражение в корневых морфемах. См., напр.: *годови'(ы)'к* ‘домашнее животное в возрасте до одного года’, *годови'(ы)'чка* ‘женск. к *годови'(ы)'к*’, *молодня'шка* ‘молодое животное или растение’, *третья'к* ‘теленок на третьем году жизни’, *четверта'к* ‘бык или лошадь на четвертом году жизни’. Немногочисленность данной группы в современных КГ обусловлена экстралингвистическим фактором – сокращением числа личных подсобных хозяйств, в которых держат коров и лошадей, изменением способов ведения хозяйственной деятельности.

Мотивемой может выступать окрас животного. См., напр.: белый – *бела'ш* ‘большой белый карась’, *бели'(ы)'зна* ‘рыба жерех’ (белое брюхо); глинистый – *глы'ныста(я)* ‘чернеть красноногая’ (по цвету оперения); жёлтый – *желто'брюх*, *желтопу'з* ‘желтобрюх’; красный – *красню'к*, *краснючо'к*, *красно'та* ‘красная рыба’, *красно'перка* ‘рыба с красными плавниками семейства карповых’; медный – *медя'нка* ‘ядовитая змея, гадюка’ (по медному отливу); серый – *се'рка* ‘рыба с красными плавниками семейства карповых’ (брюхо серебристого цвета); сивый, сизый – *си'зик* ‘самец утки, селезень’, *сыва'нь* ‘чернеть красноглазая’ (по цвету оперения); чёрный – *кочега'р* ‘рыба бычок черного цвета’; тёмный с пятнами – *я'блочный*, *яблуко'вый* ‘масть лошади – с темными, крупными пятнами на шее’.

В наших материалах зафиксирован только один зооним, мотивационным признаком которого является запах: *пергузня'* ‘вид млекопитающих из семейства куньих’. Этот зверёк в случае опасности из своей анальной железы (диал. *гу'зно*) распыляет в воздух крайне неприятно пахнущий секрет.

Мотивемами могут стать замеченные человеком в процессе его когнитивно-номинативной деятельности внешние признаки животного. См., напр.: *бубы'рь*, *пупы'рь* ‘рыба бычок’ (на суше туловище принимает шарообразную форму, ср. *бу'бка* ‘одна ягода винограда, малины, ежевики’, *бугоро'к*, *пупы'рышек*); *голове'нь*, *голо'вчик* ‘рыба голавль’ (отличается массивной головой); *дротя'ник*, *дротя'нка* ‘проволочник, личинка жука шелкоуна’ (имеет длинное тело с жёстким блестящим покровом, напоминающее кусочки проволоки, ср. *дрот* ‘проволока’, *дротяно'й* ‘проволочный’); *замо'рушек* ‘хилый цыплёнок’ (ср. *заморенный*); *кабаро'жник* ‘крупный сазан’ (крупные особи отличаются мощным позвоночником, ср. *ка(о)барга'* ‘костяк, хребет (птицы, рыбы)’ [3, с. 202]); *клешня'к* ‘рак крупного размера’ (имеет большие клешни); *коса'рь* ‘вид паука’ (туловище напоминает сенокосца); *кругля'к* ‘рыба кефаль’ (поперечный разрез туловища имеет круглую форму); *лоба'тый* ‘рыба толстолобик’ (отличается крупной головой); *лы'ска* ‘утка лысуха’ (имеет белое пятно на лбу, ср. *лы'ска* ‘кличка животных с белым пятном на лбу’ [ср. 14, вып. 17, с. 224]); *лы'сый* ‘о животном с белым лбом и носом’, *пли'тка* ‘рыба плотва’ (имеет плоское туловище); *пузано'к* ‘рыба карась’ (туловище имеет округлую форму); *са'бля* ‘рыба чехонь’ (форма туловища напоминает изгиб сабли); *чо'пи(ы)к* ‘маленький судачок’ (ср. *чо'пи(ы)к* уменьш. к *чоп* ‘затычка в бочке’); *широконо'ска* ‘утка-сокун’ (имеет широкий клюв). Иногда один и тот же внешний признак является мотивационным для целого ряда зоонимов. См., напр.: *слепе'ц*, *слепо'к* ‘крот’, *слепуха* ‘самка крота’ (имеет слабое зрение), *слепух* ‘кавказский слепец’ (вместо глаз широкая кожная складка), *слепух* ‘слепень’ (впиваясь в жертву, становится как бы слепым, и его можно снять, не спугнув). Один и тот же внешний признак животного может быть актуализирован в разных номинациях. Так, ходулочника обыкновенного (разновидность птицы кулик) на Кубани называют *цимба'лом* и *прыты'кой*. Эта птица имеет длинные ноги, что находит отражение и в литературном наименовании. Носителям КГ они внешне напоминают палочки музыкального инструмента *цимбалов* или *прыты'кы* – колышки, палки, прикрепляющие ярмо к дышлу [7, т. III, с. 445].

Довольно часто в основе номинации лежит характерный звук, издаваемый животным. См., напр.: *гала'й* ‘чайка’ (*га-га*)¹; *грак* ‘грач’ (*гра*, см. также *гра'ять* ‘каркать’); *гулёнок* ‘маленький голубь’, *гу'люшка* ‘голубь’ (*гу'ли-гу'ли*); *ко'чет* (*ко-ко*, ср. *ко'кот*); *кряк* ‘селезень’ (*кря*); *пац(ь)* ‘кабан’, *пацю'к* ‘поросёнок’ (*пац(ь)-пац(ь)* ‘звуки, издаваемые свиньёй во время еды’, используемые и как подзывные); *супру'н* ‘горлица обыкновенная’ (*супру'н-супру'н*); *чи'рка* ‘чирок-свистунок’ (*чирк*); *шкре[э]к* ‘лягушка’ (*шкрэк*). Фонематический диалектизм *шкворе'ц* мотивирован звукоподражанием *шквор* (ср. общенародное существительное *шкворец*, образованное на основе звукоподражания *шквор*). К данной группе относится и фонематический диалектизм *дерка'ч* ‘птица дергач, коростель’. Эта лексема в указанном значении зарегистрирована и в южнорусских говорах [14, вып. 8, с. 24], и в украинском языке [7, т. I, с. 371]. С.Т. Аксаков связывает происхождение слова с криком птицы, очень похожим на слог «дёрг», повторяемый ею иногда до 15 раз сряду [ср. 11, т. I, с. 217]; этимологический словарь украинского языка также указывает на образование слова на основе звукоподражания – «издавать звук *дер* (про деркача)» [ср. 19, т. II, с. 40].

Голоса животных могут по-разному восприниматься на слух, что приводит к вариантности зоонимов. Так, овода в КГ номинируют следующие фонематические варианты: *бздох*, *бздык*, *бзык*, *дзык*,

¹ Общенародное существительное *чайка* также образовано на основе звукоподражания [18, с. 360].

зык. В нескольких структурных вариантах функционирует на Кубани название удода: *худоту'т*, *худуду'т*, *худуду'*, *фудуду'*. Множественность номинаций также вызвана разным слуховым восприятием носителями КГ крика этой птицы: *ху-ду-ду*, *фу-ду-ду*. Отметим, что и общеславянское существительное *удод* образовано неточным удвоением звукоподражания *уд-од* [18, с. 332]. По народному поверью, распространённому на Кубани, крик удода предвещает смерть, не случайно люди лексикализовали издаваемые птицей звуки, слыша в них предзнаменование беды: «*Худо тут!*» Ю.А. Сковорода отмечает, что детям строго запрещалось разорять гнездо удода: старые люди предупреждали, что птица в отместку может принести тлеющий уголек на камышовую крышу своего обидчика.

Серию ЛЕ представляют собой производные от соответствующих звукоподражательных глаголов – зоофонов, как правило, диалектных. См., напр.: *квохта'лка*, *квохту'ха* ‘курица-наседка’, *кво'чка*, *ква'чка*, *кло'чка*, *ко'чка* ‘1) курица с цыплятами; 2) курица-наседка’ – ср. *квохта'ть*, *квокта'ть* ‘кудахтать’, *кво'ча-кво'ча* ‘подзывные для кур’; *кре'кад*, *кря'ка* ‘лягушка’, *кряку'н* ‘жаба’ – ср. *кря'кать* ‘квакать (о лягушке)’; *крику'ха* ‘подсадная утка, которая своим криком привлекает диких уток’, *кря'чка* ‘чайка большого размера’ – ср. *кри(ы)чать* ‘издавать громкие звуки (о животных)’; *крук* ‘птица черный ворон’ – ср. укр. *крукати* ‘каркать’; *писклёнок* ‘цыплёнок’, *пискляти'шечки*, *пискляти'шки*, *пискля'тки*, *пискля'точки* ‘цыплятки’ – ср. *пищать*; *стре'[э]коте[э]нь* ‘утка пеганка’ – ср. *стрекотать*; *турч'елка* ‘светлячок’ – ср. *турча'ть* ‘стрекотать’ (крылья светлячков издают характерный звук при полете); *хряк* ‘некастрированный кабан’, *хрячо'к* ‘молодой некастрированный кабанчик’ – ср. *хрю'кать*; *цвирку'н*, *свирку'н* ‘сверчок’ – ср. *цвирча'ть*, *сви(ы)рча'ть* ‘стрекотать (о сверчках)’.

Возможно образование зоонимов на основе междометий, служащих подзывными словами для данного животного. См., напр.: *баран* ‘некастрированный баран’ – ср. *барь-барь*; *ко'ся* ‘лошадь (в разговоре с детьми)’ – ср. подзывные для жеребят *кось-кось*; *кутенёнок*, *кутёнок* ‘щенок’ – ср. *ку'тю-ку'тю*, *ку'тя-ку'тя*; *пуля'тки* ‘недавно вылупившиеся индюшата’ – ср. *пу'ли-пу'ли*, *пуль-пуль*, *пуля-пуля*; *цыпля'*, *цыпло'к* – ср. *цы'па-цы'па*, *цы'пу-цы'пу*; *чу'шка* ‘свинья’, *чушо'нок* ‘поросёнок’ – ср. *чух-чух* и др. Распространённой на Кубани является кличка для свиней *Ва'ська*, мотивированная соответствующими подзывными *вась-вась*. Эта кличка в силу употребительности стала использоваться и как общее название свиней, которых здесь называют *ва'сками*. С.М. Толстая связывает междометие *вась-вась* с именем собственным *Вася*, *Васька* в обращении *Вась*, поскольку покровителем свиней является святой Василий. Однако эта связь может быть вторичной: скорее всего междометие возникло под влиянием имени собственного вследствие утраты затвора в аффрикате из синонимичного междометия типа *вац* [2, вып. 6, с. 110–111].

Наблюдая за поведением животных, их повадками, человек обращал внимание на свойственные им действия, движения, функции, что нашло отражение в следующих номинациях: *вертуно'к* ‘голубь турман’ (отличается способностью к разным маневрам в полёте), *гу'пало* ‘выпь’ (ср. *гу'пать* ‘издавать громкие звуки’), *замерок*, *замо'руш* ‘замерший в яйце цыплёнок’ (ср. *замереть*), *кова'лик* ‘небольшая птичка с длинным хвостом’ (покачивание птицы при передвижении по земле напоминает постукивание *коваля* ‘кузнеца’ по наковальне), *ко'нык* ‘кузнечик’ (на основании функционального переноса – по способности кузнечика, как и коня, прыгать; метафорическое название кузнечика используется в славянских языках – чеш. *koník*, укр. *ко'ник* – из общеславянского *kuj* ‘конь’), *лягу'н*, *ля'гва* ‘лягушка’ (ср. *ляга* ‘нога’ из *ляга'ть*; передвигается прыжками, совершая характерные движения ног), *мама'ша*, *ма'мка* ‘рыба с икрой’, *ме[э]те[э]лик* ‘мотылёк, бабочка’ (ср. *метаться*), *мышело'вка* ‘кошка, ловящая мышей’, *наклёвыш*, *наколу'пыш* ‘цыплёнок, проклёвывающийся из яйца’ (ср. *клевать*, *колу-пать*), *не'коть* ‘не котившаяся ни разу овца, коза’ (ср. *(не) котиться*), *нырёк* ‘утка поганка’ (ср. *нырять*), *одине'ц* ‘дикий кабан-самец, который держится обособленно в стаде свиней’ (ср. *оди'н*), *певу'н*, *пеу'н*, *пи'вень* (ср. *петь*), *подсо'с* ‘телёнок, которого подпускают для кормления к корове’, *подсо'сый*, *подсо'сный* ‘телёнок или поросёнок, сосущий матку’, *сосо'к* ‘годовалый жеребёнок’ (ср. *соса'ть*), *по'лоз* ‘змея’ (ср. *ползать*), *поро'сница* ‘супоросная свинья’ (ср. *пороситься*), *самоход'дка* ‘курица, которая сама ходит в поисках места для откладывания яиц или высживания птенцов’, *сверку'н* ‘светлячок’ (ср. *сверкать*), *сиду'ха*, *сиду'шка* ‘курица-наседка’ (ср. *сидеть*), *строеви'к* ‘лошадь, предназначенная для службы в армии’ (ср. *строй*, *строевой*), *трус* ‘кролик’, *трус'ка*, *трус'ы'ха* ‘крольчиха’, *трусёнок* ‘крольчонок’ (ср. *труситься*, *дрожать*), *убо'рицица* ‘пчела, чистящая ячейки после выхода других пчёл и выносящая сор на улицу’ (ср. *убирать*), *холоду'шка* ‘лягушка, которую сажали в кув-

шин, чтобы она охлаждала молоко и оно не скисало' (ср. *холод*, *холодить*), *чапура* 'цапля' (ср. *чапать* 'ходить', укр. *чати́ти* 'неподвижно сидеть, стоять на одном месте' [19, т. VI, с. 279]), *ша'рочка*, *шарча'*, *шарчо'нок* 'маленькая собачка с короткими лапками' (ср. *шаркать* 'издавать при ходьбе характерный звук'), *шули'ка*, *шурпе'к* 'коршун' (возможно, связано с укр. *шулькати*, *шулькнуть* 'кидаться, бросаться, падать сверху скорым полетом', *шуркати* 'кидаться, кидать с шумом' [ср. 19, т. VI, с. 488, 492]) и др. В данную группу входит и диалектизм *потуро'й* 'крот', состоящий из двух основ: *пот* и *рыть* [15, т. III, с. 346]. Отметим, что общерусское существительное *крот* восходит к праславянской основе *(s)krъ 'копать, рыть', т. е. буквально *крот* – это 'животное, которое копает, роет землю; копатель' [18, с. 157]. Эта же внутренняя форма эксплицитно представлена в диалектных синонимах, зафиксированных в русских говорах: *кроторо'йка*, *землеро'йка*, *ры'тник* [9, с. 192].

Мотивею некоторых зоонимов является «способ добывания пищи, действия с ней или сама пища». Так, в общеславянском мире номинация *волк* (чеш. *vlk*, пол. *wilk*, болг. *вълк*) связана с глаголом *волочить* (пойманную добычу) и отражает хищный характер этого животного [15, т. I, с. 338]. В КГ с украинской языковой основой лексема имеет фонематический вариант *вовк*, отличающийся от общенародного слова губно-губной фонемой [W]. В основе образования лексем *кур'ятник* 'коршун, охотящийся на кур', *капу'стник*, *капуст'янка* 'медведка (вредитель, который поедает капусту)' лежит объект пропитания.

Мотивационной базой могут стать действия, производимые над животным человеком. См., напр.: *ва'лук* 'кастрированный баран или козёл' (ср. *валя'ть* 'кастрировать'), *вы'поешек*, *выпойчо'нок*, *выпойчу'к*, *опоёк*, *поюно'к* 'телёнок, выкормленный с помощью соски' (ср. *поить*, *выпоить*, *опоить*), *езда'лый* 'объезженный, приученный к упряжке (о лошади)' (ср. *езда*, *объездить*), *жи'вчик* 'мелкий червяк, используемый для наживки' (ср. *наживлять*), *не'ук* 'необъезженный жеребец' (ср. *неуч*, *необученный*), *стрижа'к* 'жеребёнок на третьем году жизни' (ср. *стричь*; весной перед выпуском на пастбище жеребёнку подстригают гриву и хвост), *отъёмыш* 'детёныш животного, которого отняли от матки' (ср. *отнять*).

Мотивема «впечатление, производимое на человека животным» лежит в основе зоонима *ба'ба* 'пеликан кудрявый'. Эта птица в народном сознании является символом самоотверженной материнской любви: существует народное предание о том, что пеликан, разрывая грудь, выкармливает птенцов своей кровью. А.Е. Аникин также приводит версию о внешнем сходстве пеликана со старой бабой [2, вып. 2, с. 26]. См. также *га'дина* 'змея' (гадка, вызывающая отвращение). Записанный рассказ информанта из станицы Передовой позволяет утверждать, что впечатление, производимое на человека животным, привело к образованию диалектного наименования змеи – *глуха'рь* (глухой, безразличный к внешним раздражителям): – *Есть пти'ца глуха'рь, а то змия' – глуха'рь. – А почему змею так называли? – Патаму' шта вот кагда' идёш на пако'су и'ли где'-та там, ани' там лю'бят тило' си'льна... Вот идёш, друго'й рас насту'пиш, он да'жы ни зашывили'цца. И'ли ле'зит – талкну'л иво'. Он како'й-та бизаби'дний.*

Мотивом для наименования некоторых животных служит их типичное местонахождение. См., напр.: *запе'чник* 'сверчок', *камыш'анка* 'мелкая водоплавающая птица' (вьёт висящее над водой гнездо, оплетая несколько стеблей камыша), *колодя'знык* 'полевой воробей' (гнездится внутри срубов колодцев и в других труднодоступных местах), *копни'к* 'крупный коршун' (часто сидит на копне и высматривает добычу), *куба'нец* 'рыба сазан' (по названию реки Кубань), *курга'нник* 'степной орёл' (парит над степными курганами), *норе'ц* 'хомяк' (живёт в норе), *поре'чня*, *поре'шня* 'выдра' (обитает по берегам рек), *посми'тюха* 'жаворонок хохлатый' (обитает на окраинах поселений, где скапливались кучи мусора, ср. *сми'ття* 'мусор'). Фонематическим диалектизмом является в КГ лексема *мураве'ль*, отличающаяся от литературного *муравей* фонемой <Л'> (замена <J> на <Л'> отмечается и в других функционирующих на Кубани фонематических диалектизмах, см., напр., *скаме'лька*). Литературное существительное *муравей* – результат переоформления под влиянием слова *мурава* 'трава' древнерусского *моровиш* (-ИЙ → в -ЕЙ вследствие перехода сильного редуцированного И в Е) [ср. 17, с. 267].

Несколько мотивом можно выявить у существительного *жид* 'воробей'. Эта лексема в КГ имеет еще два метафорически связанных ЛСВ: '1) еврей; 2) жадный человек', в чем прослеживается бытующий негативный этностереотип: еврей – значит богатый и жадный. На основе данного этностереотипа у слова *жид* появилось значение 'воробей'. Приведем показательное высказывание

информанта: *Жыды' – э'та их дра'знят так. Жыды', зна'иши, пачиму' жыды'? Жыт пачиму': он жа'дний, вот э'тат вот, как евре'й жа'дний. И вараб'ёв называ'ли так, патаму' ита он с'е равно' пранырнёт, с'е равно' украдёт и э'та ута'щит – така'я пти'ца. Вот и назва'ли «жыды'». Э'та про'ста про'звище «жыды'», а ани' вараб'ьи' (станция Михайловская). Казаки осуждали жадность, стремление к наживе, скопидомство (ср. записанную в станице Передовой пословицу *Как не пустишь душу в ад, никогда не будешь богат*). Полагаем, что значения 'еврей' и 'жадный человек' могут выступать и как самостоятельные центры номинации для образования ЛСВ 'воробей'. Первый центр номинации базируется на бытующем на Кубани библейском сюжете: когда евреи преследовали Спасителя, чтобы распять его, то все птицы старались отвести их от того места, где укрывался Христос, но воробей выдал его своим чириканьем. Эту же легенду, отличающуюся некоторыми деталями, приводит и кубанский этнограф Н.И. Бондарь, ссылаясь на рассказ информанта из станицы Старолеушковской [4, с. 452–453]. Таким образом, можно утверждать, что ЛСВ слова *жид* 'еврей' и 'воробей' связаны общей имплицитной семьей 'те, кто предал Христа'. Второй центр номинации – 'жадный человек' – является базой для метафорического переноса человек → животное. В данном случае находят отражение представления сельских жителей о воробьях как о прожорливых и жадных птицах, способных наносить урон сельскохозяйственным культурам. См. запись, сделанную в станице Бузиновской: *Вин си'льна мно'го исть зырна', патаму' иго' и называ'лы «жыд». Вин б'е друг'их, праганя'е. Жыд – э'та ат сло'ва «жа'дний»: он ся'дэ, исть-исть. Цы'лый дэнь исть, вон ка'ла саба'к ла'зэ. Жрёт, жрёт и ны нажрётца*. Еще одну мотивему можно выявить на основе рифмованной фразы *Воробьи' Христа' прода'ли, «жив-жив» крича'ли*, записанной В.П. Чаловым в Усть-Лабинском районе [16, с. 164]. В ней также содержится указание на предательство воробья. Использованный повтор *жив-жив* позволяет предположить, что диалектное существительное *жид* 'воробей' могло быть образовано и на основе созвучия *жив-жив – жид*. Во время экспедиции в Белоглинский район (2011 г.) нами было записано высказывание информанта, в котором происхождение слова *жид* 'воробей' также объясняется через звукоподражание: *Мы вараб'ёв «жыда'ми» называ'ли. Он жэ кричи'т: «чудьжы'л-чудьжы'л»* (станция Успенская). При такой трактовке зооним *жид* находится в омонимических отношениях с полисемантом *жид* '1) еврей, 2) жадный человек'.*

Некоторые названия животных представляют собой результат эвфемизации, вызванной желанием людей спастись от опасности или уберечь домашний скот. В наших материалах зафиксированы несколько эвфемистических ЛЕ. Так, диалектизмы *ведме'дъ, ведмеди'ха, ведме'дица, ведме'ж, ведме-жо'нок* образованы в результате метатезы. Мотивом подобного изменения звуковой формы слова является страх человека перед хищником. Прямо называть это животное на охоте избегали и опасаясь неудачи. Другой пример – диалектизм *худо'ба* '1) *собир.* домашние животные и птицы; 2) домашнее животное', мотивированный прилагательным *худой*, чтобы ввести в заблуждение нечистую силу [15, т. IV, с. 282]. Табуистическим является и название змеи – *козю'ля*, возникшее в силу запрета на «настоящее» змеиное имя (жалю сравнивается с рогами козы: оно раздвоено, как козьи рога) [ср. 15, т. II, с. 279].

В КГ зафиксированы и персонифицированные номинации животных, что в целом характерно для славянской народной традиции и находит отражение в фольклорных текстах. На базе антропонимов в КГ образованы номинирующие лягушку лексемы *мыро'на, софро'н*. Появление вторичных наименований, вероятно, можно объяснить тем, что лягушка в народной традиции считается одним из домашних покровителей, уважение к которым и могло повлечь табу на использование первоначального имени. В станицах юго-востока Кубани зарегистрировано заместительное название волка – *Кузьма'* [14, вып. 16, с. 28], вызванное запретом на упоминание волка, особенно к вечеру или ночью, а также во время «волчьих праздников». Наименование божьей коровки *ваню'шка* связано с детской шуточной присказкой: *Ва'ня-капита'ня, палити' на не'ба, там твой ате'ц стригёт аве'ц*. К табуированным номинациям, по мнению Н.И. Бондаря, можно отнести и основное в прошлом название кукушки – *зозу'ля*, которое зарегистрировано в КГ с украинской языковой основой [5, с. 477]. Отметим, что в разговорной речи носителей КГ лексема встречается редко, сфера её функционирования – фольклорные тексты.

Разные мотивационные признаки могут стать основой номинаций одного животного, как правило занимающего важное место в хозяйстве. Значение коровы в жизни сельского человека трудно переоценить. Она всегда была залогом достатка семьи, кормилицей, спасала в голодные годы. Многие жители кубанских станиц до сих пор держат коров. Рассмотрим мотивационные признаки наименований этого

домашнего животного, зафиксированные в КГ. Так, по цвету называются распространённые на Кубани породы – *жуко'лка* ‘корова чёрного окраса’ (когнитивным основанием для данной номинации послужила устойчивая ассоциация жука с чёрным цветом; одна из распространённых кличек чёрных собак на Кубани – *Жук, Жучок, Жучка*), *кра'сная* ‘корова коричневого окраса’. В основе существительного *комо'лка* ‘безрогая корова’, суффиксального производного от литературного прилагательного *комольй*, лежит внешний признак – отсутствие рогов. О безрогой корове также говорят *гу'лая* (вероятно, диалектизм связан с существительным *гу'ля* ‘шишка, нарост’) и *шутд'* (по мнению А.С. Мельничука, корень слова восходит к индоевропейскому *kes* ‘резать, рубать’ [19, т. VI, с. 496]). По действию животного номинируется бодливая корова – *коло'ка* (ср. *коло'ться* ‘бодаться’). По действию человека, которое направлено на животное, называется дойная корова – *доёнка* (ср. *доить*). Номинацию по функции представляет собой существительное *товаря'ка* ‘корова, предназначенная для продажи’. Корову, которая не приучена к своему дому и любит *блуждать*, носители КГ считают *блудней*, *бзалужа'вой*. В основе данной номинации лежит качество, присущее отдельным особям.

Бесспорно, одним из главных достоинств коровы является ее способность давать много молока. Такие коровы особенно ценятся. Ту же корову, которая даёт мало молока или плохо доится, стараются быстрее продать или, в исключительных случаях, зарезать на мясо. Эти характеристики коровы стали мотивами для ряда номинаций. См., напр.: *ведёрница*, *моло'чница* ‘корова, дающая много молока за один удой’, *дурнодо'йка* ‘яловая корова’, *слабодо'йка*, *слабоси'сяя*, *слабосо'сая* ‘корова, которая легко доится’, *сухосто'йка* ‘корова, которая дает мало молока’, *тугосо'сая* ‘о корове, которая тяжело доится’ (ср. *со'ска* ‘сосок вымени самки животного’). Не менее важное качество коровы – давать потомство. Мотивационный признак «способность давать потомство» имеет целая серия структурных вариантов: *перва'дка*, *перва'чка*, *перве'(у)'дка*, *пе'рведка*, *пе'рвестка*, *перви'чка* ‘первотёлка, животное, впервые давшее приплод’ (см. семантические диалектизмы *води'ть*, *приводи'ть*, *привести'* ‘рожать / родить’, *пе'рвисток* ‘телёнок коровы, отелившейся первый раз’). Дробность перечисленных номинаций коровы демонстрирует один из конститутивных признаков ДКМ – парцеллирование объектов концептуализации.

Обратимся к диахронно мотивированным зоонимам, внутренняя форма которых не осознается диалектоносителями, поскольку со временем стёрлась, забылась. Познавательная, психологическая, креативная стороны номинативной деятельности человека раскрываются при выяснении этимологии этих ЛЕ. См., напр.: *ежа'к* (основа общеславянского *ѣж* восходит в индоевропейскому ‘колоть’, первоначальное значение – ‘колющее, укалывающее (животное)’ [17, с. 138]); *жаба'к* (общеславянское *жаба* того же корня, что диалектное *жабьё* ‘болото, топь’, земноводное названо по месту обитания [ср. 15, т. II, с. 31]); структурные варианты *инде'й*, *инду'к*, *инды'к*, *индя'к* (*индюк*, *индейский петух*, укр. *індик*, эта птица в XVI в. была завезена из Вост-Индии [ср. 15, т. II, с. 132]); структурные варианты *ки'бец(ь)*, *копе'ц*, *скопе'ц* ‘птица кобчик’ (*кобец* образовано посредством суф. -ЕЦЬ (> ЕЦ) от *кобь* ‘гадание, ворожба’ (по птичьему помету) [ср. 18, с. 136], чередование парных по звонкости / глухости фонем <Б> // <П> характерно для КГ, ср. *бике'йный* – *пике'йный*, *бу'карь* – *пу'карь* ‘плуг «Буккер»’ и др.); *мыш'а* (общеславянское *мышь* от индоевропейского **mīs* ‘серый’ [18, с. 194]); *павли'на* (от французского *pavillon* ‘палатка, шатёр’, птица названа так потому, что ее распущенный хвост напоминает шатёр [18, с. 221]); *солове'йко* (суффиксальное образование от *солвь* ‘серый, желтоватый’, птица названа по цвету своего оперения [17, с. 420]); *ше(а)ма'йка* (от новоперсидского *šāhtāhī*, буквально ‘царская рыба’: *šāh* ‘шах, царь’ и *tāhī* ‘рыба’ [15, т. IV, с. 402]) и др.

В КГ сохранились некоторые зоонимы в своих древних формах. См., напр.: *со'я* ‘сойка’ (общеславянское производное посредством темы -А от той же основы, но с перегласовкой, что и *сиять*, птица названа по светлому, сверкающему цвету перьев [17, с. 420]); *ягня'* ‘ягнёнок’ (древнерусское *ягня* с протетическим Я, ср. старославянское *агнец* [18, с. 386]). При сохранении исходной материальной оболочки слова могло модифицироваться его значение. См., напр., *лоша'* ‘жеребёнок’ (изначально тюркское заимствование ‘лошадь’ [см. 15, т. II, с. 525–526]).

Учёные предлагают несколько версий происхождения некоторых зоонимов. Так, лексический диалектизм *шпак* ‘скворец’, имеющий соответствия во многих славянских языках, по мнению этимологов, вторичное, обратное образование от уменьш. *шра'чек* ‘воробей’. Менее убедительно предположение о заимствовании из голландского *specht* ‘дятел’ или о праславянском происхождении зоонима [15, т. IV, с. 469–470]. Украинские этимологи выдвигают версию, согласно которой *шпак* – это произ-

водное от *ščipati* 'дразнить', что связано со способностью птицы передразнивать, имитировать голоса других птиц [19, т. VI, с. 456].

Изучение когнитивных оснований диалектных наименований животных в народной этимологии позволяет через проявление метаязыкового сознания диалектоносителей выявить особенности механизмов когниции. Так, происхождение общенародного слова *воробей* носители КГ связывают со словом *вор*, поскольку эта птица отличается воровитостью. Приведём высказывание информанта из ст-цы Бузиновской: *А чё вин варабэ'й – ны зна'ймо. Мо'жэ, патаму' шо вор. Прылыты'ть, паклюе'-паклюе', а пато'м раз – и пыт стри'ху. Пыт стри'ху зали'з, глядь: ныко'го ныма'. Вы'лытив, апя'ть раз-раз, наи'всь и тика' апя'ть пыт стри'ху* (с точки зрения этимологов, птица названа по своему чириканию [18, с. 47]). Мотивационным признаком диалектного существительного *ка'чка* 'утка' сельские жители Кубани считают характерную для птицы походку: *Ка'чка як хо'дэ: кача'ецца* (село Шабельское) (М. Фасмер объясняет как образование от уменьшительного собственно польского *katarzyna* [15, т. II, с. 214]). Версии происхождения нескольких ЛЕ приводятся в авторском словаре Ю.А. Сквороды. Так, краевед полагает, что украинское существительное *ла'стивка* родственно глаголу *ласкаться* и подчёркивает: сельские жители всегда с особой теплотой относились к этой доверчивой птичке, ласкающей слух тихим, журчащим щебетанием. Детям внушали, что *ластовы'ння* 'веснушки' покروют того, кто разорит гнездо ласточки (этимологи считают, что слово *ласточка*, словообразовательным вариантом которого является диалектизм *ла'стивка*, образовано от несохранившегося в русском языке общеславянского *ла'ста* – буквально 'летающая туда и сюда', ср. литовское *lakstyti* 'летать туда и сюда' [18, с. 164]). Происхождение зоонимов *кры'жня*, *кры'жень* 'утка кряква' Ю.А. Скворода связывает с диалектным существительным *кры'га* 'льдина', поясняя, что кряква долго не улетает на юг, поэтому её можно встретить даже при установившемся ледовом покрове водоёмов (*кры'жень* – производное от *криж* 'крест'; название обусловлено, очевидно, крестообразной формой птицы во время полёта [ср. 19, т. III, с. 90]).

Как правило, народная этимология тяготеет к поиску «живых» семантических связей ЛЕ – к синхронной мотивированности. Однако лингвокреативные языковые личности, обладающие фоновыми знаниями, языковым чутьём, могут объяснять происхождение слова и с опорой на диахроническую мотивированность, используя устаревшие лексемы, известные им по письменным источникам. Примером подобной этимологической разработки является приведённая Ю.А. Сквородой версия происхождения лексического диалектизма *сула'* (судак), который, по мнению краеведа, имеет отношение к древнему метательному оружию *су'лица* (род копья), поскольку форма её наконечника напоминает тело рыбы (полагаем, что Ю.А. Скворода ориентировался на существующую в литературном языке и говорах метафорическую модель оружие → рыба, ср. *са'бля* 'рыба чехонь', *рыба-меч*). Отметим, что *су'лица* применялась викингами, славянскими племенами, позже – войсками русских княжеств. Между тем в словаре М. Фасмера существительное *сула'* трактуется как тюркизм [15, т. III, с. 799].

Проведённое исследование позволило выявить в КГ зоонимы, обладающие мотивированностью, проецируются на синхроническую или диахроническую плоскости. Установленные мотивемы имеют ориентирующий характер и в целом аналогичны отмечаемым в русских говорах и общеславянском контексте, поскольку когнитивные механизмы осмысления окружающей действительности носят типологический характер и являются едиными для представителей разных этносов [ср. 10, с. 1194]. Этнокультурная специфика, отражающая своеобразие мировидения конкретного субэтноса, проявляется в особенностях реализации мотивем в народных наименованиях животных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрущенко В.И., Иванова Р.И., Иванова Т.Г., Пелих В.М. Словарь кубанских говоров. Краснодарский край: восточный регион Кубани. Армавир: Изд-во АГПУ, 2009. 264 с.
2. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. URL: <http://https://georgewladlukas.livejournal.com/62133.html>
3. Большой толковый словарь донского казачества. М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2003. 608 с.
4. Бондарь Н.И. Жид (материалы к этнокультурному словарю Кубани) // Бондарь Н.И. Древо жизни: очерки традиционной народной культуры. Этнография, антропология, семиотика. Краснодар: Традиция, 2019. С. 451–462.

5. Бондарь Н.И. Кукушка (материалы к этнокультурному словарю Кубани) // Бондарь Н.И. Древо жизни: очерки традиционной народной культуры. Этнография, антропология, семиотика. Краснодар: Традиция, 2019. С. 476–501.
6. Борисова О.Г. Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. 485 с.
7. Гринченко Б.Д. Словарь украинского языка: в 4 т. Киев: Изд-во Академии наук Украинской ССР, 1958–1959.
8. Лексика и фразеология говоров кубанского линейного казачества: материалы к словарю-справочнику. Армавир: Изд-во АГПУ, 2019. 224 с.
9. Лексический атлас русских народных говоров. М.: Наука, 2004. 304 с. 36 карт.
10. Маркова Е.М. Когнитивные основания названий животных в русском языке и его диалектах в общеславянском контексте // Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. Кн. 5. С. 1193–1202.
11. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914. Т. 1. 674 с. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/doc/preobrazhenskijA-O.pdf>
12. Русский говор Кубани: словарь / под ред. Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой. Краснодар, 1991. 414 с. Деп. в ИНИОН Рос. акад. наук 12. 11. 1992, № 47266. 414 с.
13. Сковорода Ю.М. Народные названия некоторых представителей дикой флоры и фауны Шербиновского района, отличающиеся от их официальных наименований: Рукопись.
14. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23), Ф.П. Сороколетов (вып. 23–40), С.А. Мызников (вып. 41–50). М.; Л.; СПб.: Наука, 1955–2017.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб.: Азбука, 1996.
16. Чалов В.П. Историко-лингвистический очерк фразеологии кубанского казачества, отражающий его историю, военный быт и духовную культуру: дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 292 с.
17. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.
18. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М.: Дрофа, 2004. 400 с.
19. Етимологічний словник української мови: в 7 т. Київ: Наукова думка, 1982–2012.

Поступила в редакцию 08.12.2020

Борисова Ольга Геннадьевна, доктор филологических наук,
доцент кафедры современного русского языка
E-mail: leliastom@mail.ru

Костина Людмила Юрьевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры современного русского языка
E-mail: patriot30@mail.ru

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

O.G. Borisova, L.Yu. Kostina

**COGNITIVE FOUNDATION OF ZOONYMS IN KUBAN SUB-DIALECTS:
SYNCHRONOUS AND DIACHRONOUS MOTIVEMES**

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-5-897-905

This article, based on cognitive dialectology principles, presents the results of research of motivational models for animal naming in Kuban region sub-dialects. It establishes synchronous and diachronous motivational characteristics of dialect zoonyms, which have direction properties and are generally similar to the ones observed in Russian sub-dialects and Common Slavic context. It identifies various motivemes different by their degree of productivity, which include age, color, habitat, sounds made by an animal, its behavioral features, means of getting food, human actions it is exposed to, etc. The article reviews personified folk names of animals and zoonym euphemisms. It demonstrates that the folk etymology can be projected not only in a synchronous plane, but in a diachronous one as well, thus showing the metalinguistic consciousness of linguistically creative sub-dialect carriers who possess some background knowledge. The article demonstrates the ethnocultural features that reflect the unique world view of Kuban sub-dialect carriers, which manifests in peculiar implementation of motivemes in folk naming of animals.

Keywords: cognitive dialectology, Kuban sub-dialects, synchronous and diachronous motivation, zoonym.

REFERENCES

1. Andryushchenko V.I., Ivanova R.I., Ivanova T.G., Pelih V.M. Slovar' kubanskih govorov. Krasnodarskij kraj: vostochnyj region Kubani [Dictionary of Kuban dialects. Krasnodar territory: Eastern region of Kuban]. Armavir, Publ. ASPU, 2009. 264 p. (In Russian).
2. Anikin A.E. Russkij etimologicheskij slovar' [Russian etymological dictionary]. URL: <https://georgewladlukas.livejournal.com/62133.html>. (In Russian).
3. Bol'shoj tolkovyj slovar' donsogo kazachestva [Large explanatory dictionary of the don Cossacks]. Moscow, Russian dictionaries Publ., Astrel Publ., AST Publ., 2003. 608 p. (In Russian).
4. Bondar' N.I. Zhid (materialy k etnokul'turnomu slovarju Kubani) [Jew (materials to ethnic and cultural dictionary of the Kuban)] // Bondar' N.I. Drevo zhizni: ocherki tradicionnoj narodnoj kul'tury. Etnografiya, antropologiya, semiotika [Tree of life: essays on traditional folk culture. Ethnography, anthropology, semiotics]. Krasnodar, Tradition Publ., 2019. P. 451–462. (In Russian).
5. Bondar' N.I. Kukushka (materialy k etnokul'turnomu slovarju Kubani) [Cuckoo (materials to ethnic and cultural dictionary of the Kuban)] // Bondar' N.I. Drevo zhizni: ocherki tradicionnoj narodnoj kul'tury. Etnografiya, antropologiya, semiotika [Tree of life: essays on traditional folk culture. Ethnography, anthropology, semiotics]. Krasnodar, Tradition Publ., 2019. P. 476–501. (In Russian).
6. Borisova O. G. Opyt slovarja kubanskih govorov [Experience of the Kuban dialect dictionary]. Krasnodar, Kuban State University, 2018. 485 p. (In Russian).
7. Grinchenko B. D. Slovar' ukrainskogo yazyka [Dictionary of the Ukrainian language]: in 4 vol. Kiev, Publ. of Academy of Sciences of Ukrainian SSR, 1958. (In Russian).
8. Leksika i frazeologiya govorov kubanskogo linejnogo kazachestva: materialy k slovarju-spravochniku [Vocabulary and phraseology of dialects of the Kuban linear Cossacks: materials for the dictionary-reference]. Armavir, Publ. ASPU, 2019. 224 p. (In Russian).
9. Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov [Lexical Atlas of Russian folk dialects]. Moscow, Science Publ., 2004. 304 p. 36 maps. (In Russian).
10. Markova E.M. Kognitivnye osnovaniya nazvanij zivotnyh v russkom yazyke i ego dialektah v obshchslavyanskom kontekste [Cognitive bases of animal names in the Russian language and its dialects in the General Slavic context]. Uchyonye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki [Scientific notes of Kazan University. Series of Humanitarian Sciences], 2018. Vol. 160. B. 5. P. 1193–1202. (In Russian).
11. Preobrazhenskij A.G. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1910–1914. Vol. 1. 674 p. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/doc/preobrazhenskijA-O.pdf>. (In Russian).
12. Russkij govor Kubani: slovar' [Russian dialect is the Kuban] / Editor E.P. Shejninoj and E.F. Tarasenkovojuj. Krasnodar, 1991, 414 p. Dep. in INION Russian Academy of Sciences 12. 11. 1992, № 47266. 414 p. (In Russian).
13. Skovoroda Yu.M. Narodnye nazvaniya nekotoryh predstavitelej dikoj flory i fauny Sherbinovskogo rajona, otlichayushchiesya ot ih oficial'nyh naimenovanij [Folk names of some representatives of the wild flora and fauna of the Sherbinovsky district that differ from their official names]: manuscript. (In Russian).
14. Slovar' russkih narodnyh govorov [Dictionary of Russian folk dialects] / Chief editor F.P. Filin (vol. 1–23), F.P. Sorokoletov (vol. 23–40), S.A. Myznikov (vol. 41–50). Moscow, Leningrad, St. Petersburg, Nauka Publ., 1955–2017. (In Russian).
15. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]: in 4 vol. St. Petersburg, Azbuka Publ., 1996. (In Russian).
16. Chalov V.P. Istoriko-lingvisticheskij ocherk frazeologii kubanskogo kazachestva, otrazhayushchij ego istoriyu, voennyj byt i duhovnyu kul'turu [Historical and linguistic essay on the phraseology of the Kuban Cossacks, reflecting its history, military life and spiritual culture]: diss. of the cand. of Philology. Moscow, 1981. 292 p. (In Russian).
17. Shanskij N.M., Ivanov V.V., Shanskaya T.V. Kratkij etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Short etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. 542 p. (In Russian).
18. Shanskij N.M., Bobrova T.A. Shkol'nyj etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. Proiskhozhdenie slov [School etymological dictionary of the Russian language. Etymology of words]. Moscow, Drofa Publ., 2004. 400 p. (In Russian).
19. Etimologichnij slovník ukrain'skoj movi [Etymological dictionary of the Ukrainian language]: in 7 vol. Kiev, Naukova dumka Publ., 1982–2012. (In Ukrainian).

Received 08.12.2020

Borisova O.G., Doctor of Philology, Associate Professor at Department of modern Russian language
E-mail: leliastom@mail.ru

Kostina L.Yu., Candidate of Philology, Associate Professor, Department of modern Russian language
E-mail: patriot30@mail.ru

Kuban State University
Stavropolskaya st., 149, Krasnodar, Russia, 350040